

Munich Personal RePEc Archive

Subject matter and method of interpretive institutional economics

Yefimov, Vladimir

Independent researcher

August 2007

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/49118/>
MPRA Paper No. 49118, posted 17 Aug 2013 08:29 UTC

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ*

В настоящее время в учебно-научной жизни российской высшей школы наблюдаются два явления. Это, с одной стороны, необыкновенный рост интереса к институционализму, проявляющийся в большом числе недавно созданных кафедр институциональной экономики и в беспрецедентном в мировой практике росте числа опубликованных по этой дисциплине учебников. С другой стороны, это осознание необходимости философского осмысления науки, что выразилось во введении с 2005 г. для всех аспирантов (независимо от их конкретной специализации) обязательного экзамена кандидатского минимума «История и философия науки» и в публикации значительного объема соответствующей литературы. К сожалению, эти два явления не связаны между собой. Если философы ставят под сомнение универсальность методологии классической науки, то экономисты, в том числе и те, кто причисляют себя к институционалистами, по-прежнему ей слепо следуют.

В данной статье мы возобновляем «спор о методах»¹ с учетом современных достижений философии науки. Господствующее сейчас понимание «научности» происходит из *классического* естествознания. Экономисты игнорируют тот факт, что на смену ему уже в конце XIX в. пришло *неклассическое* естествознание, а вслед за ним, с последней трети XX в., начинается период *постнеклассической науки*. Новая институциональная экономическая теория попала в ловушку классической парадигмы, имитируя естествознание, но не современное, а более чем столетней давности, исследовавшее простые системы². Имевшие дело со сложными

---

* Данная статья представляет собой сокращенную версию доклада на семинаре ИЭ РАН «Теоретическая экономика».

¹ Спор о методах (Methodenstreit) между главой немецкой исторической школы в экономике Густавом Шмоллером и основателем австрийской экономической школы Карлом Менгером отражен в их работах: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005; Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. М., 1902.

² Признавая важность для развития этого направления идей так называемой «старой» институциональной экономики (особенно в варианте Джона Коммонса) и ее предшественницы, немецкой исторической школы, лидеры новой институциональной экономической теории отмежевываются от исходного варианта институционализма Шмоллера и Коммонса прежде всего по методологическим и политическим соображениям. Обычные обвинения со стороны новых институционалистов в адрес исходной институциональной экономики (описательность и отсутствие теории, а иногда и ангажированность) заимствованы ими от неоклассиков, от которых они ни по своим политическим склонностям (радикальный либерализм), ни по методологическим пристрастиям (позитивизм) не отличимы. В учебниках по новой институциональной теории авторы всячески подчеркивают ее связь и взаимодополняемость с неоклассикой. Э. Фуруботн и Р. Рихтер в своей недавно вышедшей в русском переводе книге «Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории» трактуют новую институциональную экономику как амальгаму теории трансакционных издержек, экономической теории прав собственности и теории контрактов. Они приводят слова автора концепции трансакционных издержек, нобелевского лауреата Р. Коуза. По его мнению, все экономисты, работающие в этой области, «используют стандартную экономическую теорию для того, чтобы

социально-экономическими системами и практически ориентированные, первые институционалисты в Германии (немецкая историческая школа в лице Шмоллера) и в США (американский институционализм в лице Коммонса)³ в свое время верно нащупывали адекватный для такого рода систем *интерпретативный* подход, который в последнее время получает все большее развитие, особенно применительно к социологии и антропологии. В нашей статье, с одной стороны, предлагается вернуться к забытым и оклеветанным традициям Шмоллера и Коммонса, а с другой стороны, осуществить современное восстановление этих традиций, используя методологические и методические достижения интерпретативной парадигмы в других социальных науках⁴.

Институциональная экономика и философия науки

Родоначальником классической науки и классической парадигмы считается Г. Галилей. Языком общения человека с природой он считал язык математики, так как, по его мнению, «книга природы» написана на этом языке⁵. Твердая вера в математическую структуру мира освобождала его от необходимой зависимости от эксперимента⁶. «Галилей провозгласил суверенитет причинности в науке. Причинное объяснение природы для него — основная задача исследования... Математика, говорит Галилей, раскрывает связь явлений, их причинную обусловленность»⁷. Галилей и его последователи были уверены, что наука способна открывать глобальные истины. А так как, по их мнению, природа записана на математическом языке и этот язык единствен, то они считали, что такие глобальные истины могут быть получены

анализировать работу институтов и открывать, какую роль они играют в функционировании экономики» (*Furubotn E. G., Richter R. Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. P. 436.* Рус. пер.: *Фуруботн Э. Г., Рихтер Р.* Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2005). К новой институциональной экономической теории применима большая часть критики стандартной экономики в аутизме (см.: *The Crisis in Economics. The Post-autistic Economics Movement: the First 600 Days / Fullbrook E. (ed.) L.: Routledge, 2003; A Guide to What is Wrong with Economics / Fullbrook E. (ed.) L.: Routledge, 2004; Real World Economics: A Post-autistic Economics Reader / Fullbrook E. (ed.) L.: Anthem Press, 2007*), которую в данной статье мы воспроизводить не будем. В общепринятой клинической психиатрической терминологии термин «аутизм» обозначает утрату связи с реальностью.

³ Литература, в которой труды Шмоллера и Коммонса соотносились бы друг с другом, достаточно бедна. В наиболее полном виде это было осуществлено в: *Schellschmidt H. Ökonomische Institutionanalyse und Sozialpolitik: Gustav Schmoller und John R. Commons als Vertreter einer sozialreformerisch ausgerichteten Institutionenökonomie. Marburg: Metropolis-Verlag, 1997.*

⁴ Автор данной статьи проводит экономические исследования в рамках интерпретативной парадигмы и пытается развить интерпретативную методологию применительно к экономической науке начиная с середины 1970-х годов. В наиболее полном виде такое исследование и методология представлены в его книге: *Yefimov V. Economie Institutionnelle des Transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003.*

⁵ См.: *Burt E. A. The Metaphysical Foundations of Modern Science. N.Y.: Dover Publications, 2003. P. 75; Коменко В. П.* История и философия классической науки. М.: Академический проект, 2005. С. 182, 185.

⁶ *Burt E. A. Op. cit. P. 76.*

⁷ *Коменко В. П.* Указ. соч. С. 184–185.

путем локального экспериментирования. «Сложность природы была провозглашена кажущейся, а разнообразие природы — укладываемым в универсальные истины, воплощенные у Галилея в математических законах движения. Убеждение основателей современной науки оказалось необычайно живучим и сохранилось на века»⁸. Сообщества экономистов настойчиво сохраняют это убеждение применительно к экономической действительности.

Другим столпом классической парадигмы является Р. Декарт. Так же, как Галилей, он считал, что математика — единственный ключ, с помощью которого можно открыть секреты природы. Все, что мы знаем в любой науке, по его мнению, — это порядок и измерение, вскрываемые в явлениях, которые она изучает, и математика, имеющая дело с порядком и измерением в общем виде, становится, таким образом, универсальной наукой⁹. Важным вкладом Декарта в классическую парадигму являются и знаменитые картезианские сомнения и дуализм. Декарт предлагал сомневаться во всем, так как, с одной стороны, чувствам доверять нельзя, ведь они иногда нас обманывают, а с другой стороны, людям верить также нельзя, потому что среди них имеются такие, которые ошибаются в рассуждениях, относящихся даже к простейшим предметам геометрии¹⁰. В соответствии с картезианским дуализмом один мир состоит из огромной протяженной в пространстве математической машины, а другой мир состоит из непротяженных мыслящих душ¹¹. «Согласно Декарту, мышление не зависит от реального мира, а достоверное знание нельзя почерпнуть из опыта»¹².

Классическая наука получила свою завершенную форму в трудах Ньютона. Он видел четкую разницу между математическими и физическими истинами. По его мнению, для познания последних нередко нужно либо расширять математику, либо ограничиваться менее достоверными методами. Он видел явные преимущества экспериментов над методом дедукции из априорных предположений¹³. Господствующее сейчас понимание «научного метода», с применением которого и связывается понимание «научности» того или иного исследования¹⁴, мало чем отличается от метода Ньютона, и именно этот метод принят в современной экономической науке¹⁵. Сейчас все большее число философов, обществоведов и ученых-естественников отказываются от ньютоновской классической парадигмы науки, в том числе и от ее определения на основе так называемого «научного метода».

Крупный специалист в области философии науки и теории познания Л. А. Микешина считает, что стандартная концепция научного знания, до сих пор широко распространенная среди ученых, есть не что иное, как «самосознание классической науки» и «покоится, по существу, на предпосылках созерцательного материализма и эмпиризма, поскольку исходит из необходимости „снять“ эффек-

⁸ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: УРСС, 2005. С. 50.

⁹ Burt E. A. Op. cit. P.105, 107.

¹⁰ Декарт Р. Избранные произведения. Луцк: Вежа, 1998. С. 31.

¹¹ Burt E. A. Op. cit. P. 121.

¹² Коменко В. П. Указ. соч. С. 219.

¹³ Burt E. A. Op. cit. P. 212, 213, 216.

¹⁴ Сачков Ю. В. Научный метод. Вопросы и развитие. М.: УРСС, 2003.

¹⁵ Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004; Орехов А. Методы экономических исследований. М.: ИНФРА-М, 2006; Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.

ты присутствия и активной деятельности субъекта, считая их препятствиями на пути к объективно истинному познанию. Стандартная концепция отождествляет себя с наукой как таковой и не подвергает рефлексии свои предпосылки и основания, полагая их фундаментальными и единственно возможными. Но сегодня она вызывает очень много вопросов и возражений»¹⁶. Другой известный философ науки, А. Коуре следующим образом характеризует негативные последствия классической парадигмы: «Но есть и нечто такое, за что ответственность может быть возложена на Ньютона или, точнее, не на одного Ньютона, а на всю современную науку, — раскол нашего мира на два чуждых мира... Современная наука разрушила барьеры, отделявшие небо от Земли, объединила и унифицировала Вселенную. Но, опрокидывая барьеры, наука подменила наш мир качества и чувственного восприятия, мир, в котором мы живем, любим и умираем, — миром количества, воплощенной геометрии, миром, в котором, хотя он и вмещает в себя все, нет места для человека. Так мир науки — реальный мир — стал отчужденным и полностью оторванным от мира жизни. Наука не в состоянии не только объяснить этот мир, но даже оправдаться, назвав его „субъективным“»¹⁷.

Идею периодизации развития науки как науки классической, неклассической и постнеклассической выдвинул академик В. С. Степин. *Классическое* естествознание, по его мнению, основано на идеях механицизма, изучаемые в такой науке объекты состоят из небольшого числа элементов, и свойства объекта в целом выводятся из свойств составляющих его частей. Познание осуществляется путем наблюдения и экспериментирования с этими объектами, которые раскрывают свои тайны познающему разуму, полностью дистанцированному от объекта исследования. Последнее рассматривается как необходимое условие получения достоверного объективного знания. Период *неклассического* естествознания начинается с конца XIX в. и заканчивается в середине XX в. В это время возникают и развиваются теория относительности, квантовая механика, генетика, кибернетика и теория систем. Происходит отказ от идеала единственно истинной теории, допускается истинность нескольких конкурирующих теорий относительно одного и того же объекта. Границы между объектом и субъектом исследования размываются, и принимаются такие типы объяснения и описания, которые содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности. Объектами исследования становятся сложные многоэлементные системы с уровневой организацией, массовым стохастическим взаимодействием между элементами, с управляющим уровнем и обратными связями, что обеспечивает целостность системы. Свойства систем не сводятся к свойствам ее элементов. Претерпевает изменение и понятие причины¹⁸.

С последней трети XX в. начинается период *постнеклассической науки*. Этот период определяют комплексные исследовательские программы междисциплинарного типа. Происходит сращивание теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний.

¹⁶ Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 168.

¹⁷ Цитируется по: Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 42.

¹⁸ См.: Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. См. также электронную версию этой книги на сайте <http://www.philosophy.ru/library/stepin/>. Цитирование производится по электронной версии.

Следующую цитату из книги Степина, если оставить в стороне новейшую специальную терминологию, можно было бы принять за высказывания Шмоллера или Коммонса, а ведь Степин здесь имеет в виду прежде всего постнеклассическое естествознание: «Исторически развивающиеся системы представляют собой более сложный тип объекта даже по сравнению с саморегулирующимися системами. Последние выступают особым состоянием динамики исторического процесса, своеобразным срезом, устойчивой стадией его эволюции. Сама же историческая эволюция характеризуется переходом от одной относительно устойчивой системы к другой системе с новой уровнем организацией элементов и саморегуляцией. Формирование каждого нового уровня системы сопровождается ее прохождением через состояния неустойчивости (точки бифуркации), и в эти моменты небольшие случайные воздействия могут привести к появлению новых структур»¹⁹.

Менгер строил свою критику методологии немецкой исторической школы на противопоставлении его политической (национальной) экономики как науки теоретической (фундаментальной), открывающей вечные универсальные законы, историческим и практическим (прикладным) наукам о народном хозяйстве. Вряд ли он согласился бы также со следующей трактовкой науки: «Ориентация современной науки на исследование сложных, исторически развивающихся систем существенно перестраивает идеалы и нормы исследовательской деятельности. Историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения предполагают широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний — построение сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации»²⁰.

По словам Пригожина и Стенгерс, ученые ведут с природой некий экспериментальный диалог, но этот диалог ведется на языке выбранной ученым теории. «Каков бы ни был ответ природы — „да“ или „нет“, он будет выражен на том же теоретическом языке, на котором был задан вопрос». При этом «все остальное считается не информацией, праздно болтовней, вторичными эффектами, которыми можно пренебречь»²¹. Однако именно эти «праздная болтовня» и «вторичные эффекты» в действительности могут оказаться ключом к новым открытиям, но это не принимается во внимание. При таком построении эксперимента он, по существу, сводится к тестированию некоторой априорной теории. Методологи экономической науки понимают картезианский характер подобного тестирования²². Таким образом, реализм исследования ставится в зависимость от априорного «угадывания» реалистичной теории. В случае исследования простых систем, которые и являлись объектами изучения в классической физике, такое угадывание оказалось возможным. Для более сложных систем оно становится очень проблематичным. Что касается роли таких экспериментов в подтверждении теорий, то, как отмечал К. Поппер, она невелика. Эксперименты могут помочь опровергнуть (фальсифицировать) теорию, но никак не подтвердить ее²³. Применительно к объектам экономической науки,

¹⁹ Степин В. С. Указ. соч. С. 380.

²⁰ Там же. С. 381.

²¹ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 48–49.

²² См.: The Handbook of Economic Methodology // Davis D. B., Hands D. W., Mäki U. (eds.) Cheltenham (U.K.): Edward Elgar, 1998. P. 376.

²³ Поппер К. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004.

которые, безусловно, нельзя считать простыми, априорные теории совсем не имеют шансов служить основой для понимания экономических явлений, и никакие их «тестирования» здесь не помогут: «Оторванный от наблюдения как *источника* истины, картезианский разум, для того чтобы подтвердить свой реализм, придает большое значение „тестированию“. Но тестирование не является гарантией верных идей, так как, потеряв связь с реальностью, экономический разум создал столько загадок, головоломок и чисто умозрительных конструкций, что тестирование доказывает все и ничего»²⁴.

В каком-то смысле навязывание физиками своего языка природе в экспериментальном диалоге с ней является неизбежным, так как они изучают неживую природу, у которой нет и не может быть своего языка в прямом, а не в метафорическом смысле этого слова. Однако совершенно другая ситуация в науках гуманитарных и общественных, к которым принадлежит и экономическая наука. Они имеют дело, или, по крайней мере, должны иметь дело, с живыми людьми, общение с которыми может и должно происходить на понятном им языке, а не на языке априорных теорий. Однако экономисты настойчиво продолжают не замечать этого и, подчиняясь естественно-научной традиции (классической парадигме), утверждают, что «теория есть способ восприятия фактов, и мы не можем воспринять факты без теории»²⁵. *Подобная методология приводит к тому, что исследователь остается глух ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему, и, таким образом, путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным.*

Сразу отметим, что, просто наблюдая за поведением людей или даже слушая, что они говорят, нам редко удастся проникнуть в суть их деятельности. Это происходит потому, что «основой действия — его отправной точкой — на всех этапах процесса является органический комплекс мыслительных привычек, которые были сформированы прошлым процессом»²⁶. Для выявления и понимания этих привычек необходимо вступить в непосредственный вербальный контакт с людьми и/или изучить тексты, в которых эти привычки зафиксированы. Другими словами, фактами здесь являются верования (идеи и ценности) и правила поведения (формальные и неформальные), на них основанные или, по крайней мере, с ними связанные, участников экономической деятельности (акторов). Воспринять (выявить) эти факты можно, анализируя дискурсы акторов. Шмоллер и Коммонс считали анкеты и интервью важнейшими источниками информации для экономической науки²⁷. Интервью, записанное для анализа, превращается в текст (транскрипт). Исследователи должны использовать и уже го-

²⁴ *Mini P.* Cartesianism in Economics // The Elgar Companion to Institutional and Evolutionary Economics. In 2 vol. / Hodgson G. M., Samuels W. J., Tool M. R. (eds.) Aldershot (UK): Edward Elgar, 1994. P. 38–42. P. 41.

²⁵ *Фридмен М.* Указ. соч. С. 44.

²⁶ *Veblen T.* The Place of Science in Modern Civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. P. 77.

²⁷ *Schmoller G.* Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. Marburg: Metropolis-Verlag, 1998. S. 287; *Commons J. R.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. P. 106.

товые тексты для анализа дискурсов акторов. Такими текстами могут быть всевозможные политические (программы партий, выступления их лидеров и т. п.) и юридические (законы, указы, постановления и т. п.) документы.

Джеффри Ходжсон и мифы о старом институционализме

Среди институционалистов, которые не являются сторонниками новой институциональной экономической теории, но в то же время верят в возможность существования универсальных социальных теорий и считают необходимым и неизбежным их явное применение в любом конкретном исследовании²⁸, выделяется Джеффри Ходжсон, один из самых плодотворных авторов, пишущих на темы институциональной экономики²⁹. В эпистемологическом плане он занимает ту же позицию, что и М. Фридмен: «Собственно, на любых познанных объективных фактах лежит отпечаток предвзятой точки зрения исследователя. Факты выражаются посредством той или иной формы языка, беспонятный и свободный от теорий язык невозможен»³⁰. О каком языке говорит здесь Ходжсон? Если это язык дискурса акторов, то он обычно свободен от языка априорной теории, с помощью которой ученый (например, сторонник новой институциональной экономической теории) проводит свое исследование. Язык дискурса акторов полон теорий, но это не теории исследователя (субъекта исследования), а теории (верования) исследуемого объекта, и важнейшей задачей исследователя является выявление этих верований на основе анализа (интерпретации) дискурсов акторов, так как именно они лежат в основе правил, которыми акторы руководствуются в своем поведении. В интерпретативной парадигме, ведя интервью или изучая документы, исследователь пользуется языком акторов и интерпретирует его, пытаясь понять смыслы, лежащие в их дискурсах, а не навязывает объекту исследования свой язык, как это происходит в классической парадигме.

Не проводя эмпирических институциональных исследований самостоятельно и используя ярлык эмпиризма, Ходжсон обвиняет старый институционализм и попадает в ловушку классической парадигмы, говоря об остаточной значимости эмпирических свидетельств³¹. Его аргументы против методологии Шмоллера и Коммонса, которым он приклеивает указанный ярлык, полны противоречий и софизмов и демонстрируют полное незнание процессов исследования реальных

---

²⁸ Среди отечественных экономистов такого типа можно назвать С. Г. Кирдину. Она уверена, что «выбор и предъявление адекватной теории (теорий), используемой в качестве фундаментального обоснования при анализе и прогнозе ситуации», должны предшествовать «процессу экономической диагностики» (*Кирдина С. Г. X и Y экономики. Институциональный анализ*. М.: Наука, 2004. С. 190).

²⁹ В настоящее время он является президентом Ассоциации эволюционной экономики (Association for Evolutionary Economics) и главным редактором «Журнала институциональной экономики» (Journal of Institutional Economics).

³⁰ Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М.: Дело, 2003. С. 72–73.

³¹ Ходжсон Д. Указ. соч. С. 87.

проблем экономики³². Причину «упадка» «старого» институционализма он видит в следующем: «Установив значимость институтов, рутин и привычек, он (старый институционализм. — В. Е.) начал придавать особую ценность описаниям природы политико-экономических институтов и их функций. Конечно, такая работа важна, но она стала преобладающим и почти единственным занятием ученых-институционалистов, которые превратились в сборщиков данных. Это была ошибка преимущественно методологического и эпистемологического характера, и ее совершили многие институционалисты; исключением были сам Веблен и еще несколько ученых. Роковым заблуждением были настойчивые требования ограничиться описательным „реализмом“ и собирать как можно больше информации либо же создавать как можно более детальные картины конкретных экономических институтов. Дело в том, что мы никогда не сможем достичь более точного и адекватного понимания экономической реальности, основываясь исключительно на наблюдениях и сборе данных. Вопреки воззрениям эмпириков, наука не может развиваться без теоретической схемы, и никакие наблюдения за действительностью не свободны от теорий или конвенций»³³. Джона Коммонса, наиболее последовательного сторонника интерпретативного варианта старой институциональной экономики, которого Ходжсон считает слабым теоретиком³⁴, никак нельзя назвать простым «сборщиком данных». Его исследования генезиса капитализма³⁵ или становления трудовых отношений в США³⁶, основанные на анализе (интерпретации) дискурсов акторов, отраженных в документах или услышанных им непосредственно (интервью и слушание свидетельств о трудовых конфликтах на заседаниях комиссии, созданной для их разрешения), дали *понимание* этих процессов, которое, в свою очередь, помогло проведению ряда институциональных реформ в США начала прошлого века³⁷.

³² Особое внимание Ходжсон уделяет оттачиванию определений, и прежде всего уточнению понятия «институт». По этому поводу уместно привести следующее высказывание Чарльза Пирса: «Машина ума может только трансформировать знание, но отнюдь не породить его, если она не кормится данными наблюдения. ...Анализируя определения, невозможно узнать ничего нового» (Пирс Ч. С. Избранные произведения. М.: Логос, 2000. С. 268, 269).

³³ Ходжсон Д. Указ. соч. С. 53.

³⁴ Hodgson G. M. John R. Commons and the Foundations of Institutional Economics // Journal of Economic Issues. 2003. Vol. 37, No 3. P. 547—576; Hodgson G. M. The Evolution of Institutional Economics. L.; N.Y.: Routledge, 2004.

³⁵ Commons J. R. Legal Foundations of Capitalism. New Brunswick: Transaction Publishers, 1995.

³⁶ Commons J. R., Andrews J. B. Principles of Labor Legislation. N. Y.: Augustus M. Kelley, 1967.

³⁷ Джон Коммонс вместе с другими членами Промышленной комиссии штата Висконсин участвовал в разрешении трудовых конфликтов и на основе этого опыта разрабатывал законодательные акты относительно трудовых отношений и социального обеспечения в США (Commons J. R. Myself. The Autobiography of John R. Commons. Madison: The University of Wisconsin Press, 1964; Harter L. G. John R. Commons: His Assault on Laissez-Faire. Corvallis: Oregon State University Press, 1962). Американский историк экономической мысли Ф. Миrowsки пишет по этому поводу следующее: «Коммонс открыто выступал за постепенное усовершенствование капитализма через государственное вмешательство. Многие из экономических функций правительства США, которые мы сегодня принимаем как само собой разумеющиеся, были делом рук Коммонса и его студентов в первой половине XX в.» (Mirowski Ph. The Philosophical Bases of Institutionalist Economics // Journal of Economic Issues. 1987. Vol. 21, No 3. P. 1027).

Аналогичные обвинения в эмпиризме Ходжсон адресует и немецкой исторической школе. В своей книге «Как экономическая теория забыла историю»³⁸ он проявил полное непонимание методологии этой школы. Неслучайно при многочисленных ссылках на Шмоллера в этой книге нет ссылки на его основной методологический труд, первоначально опубликованный в 1893 г. и в расширенном, пересмотренном варианте — в 1911 г.³⁹

Приведем некоторые строки из этого произведения: «Немецкая наука всегда полагала, что наблюдение и описание не составляют всей науки, а являются только подготовкой к получению общих истин. Она просто считала, и в этом была права, что без эмпирической базы... невозможны ни прочная индукция, ни надежная дедукция»⁴⁰. «Описания экономической истории, как и общей истории, в той части, которая касается экономики, не являются экономическими теориями, а представляют собой для них строительные камни. Конечно, чем более законченным является описание, чем больше оно объясняет развитие вещей, тем более вероятно, что результаты исторического описания смогут стать элементами теории и привести к общим истинам»⁴¹.

В 1897 г. Шмоллер так противопоставлял свою политическую экономию классической, следующей образцам классического естествознания: «Политическая экономия (Volkswirtschaftslehre) сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму. От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений, связанных со стоимостью, изучает экономические институты и которая снова ставит в центр (сердце) науки не мир благ и капитала, а человека»⁴². Организовав «Союз социальной политики» (Verein für Sozialpolitik), Густав Шмоллер и его сподвижники своими исследованиями прокладывали путь социальным реформам в Германии⁴³.

Итак, по отношению к американскому институционализму, то есть старой институциональной экономике, и немецкой исторической школе были созданы мифы об их якобы чистой описательности, практической бесполезности и неспособности создавать экономические теории⁴⁴. Действительно, это так, если под теорией понимать исключительно картезианско-ньютоновский тип теории в рамках классической парадигмы. Однако такой тип теории перестает работать для более-менее сложных систем, а все социально-экономические системы являются безусловно сложными системами.

³⁸ Hodgson G. M. *How Economics forgot History*. L.; N.Y.: Routledge, 2001.

³⁹ Schmoller G. *Volkswirtschaft, Volkswirtschaftslehre und Methode* // Schmoller G. *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. S. 215–368. См. также русский перевод: Шмоллер Г. Указ. соч.

⁴⁰ Ibid. S. 283.

⁴¹ Ibid. S. 293–294.

⁴² Ibid. S. 202, 203.

⁴³ Grimmer-Solem E. *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864–1894*. Oxford: Clarendon Press, 2003.

⁴⁴ Эти мифы поддерживаются и в отечественной литературе: «Отказ лидеров исторической школы от выработки универсального экономического знания открыл путь к массовому производству нестроного описательного знания, которое для практики оказалось не более полезным, чем абстрактные теории» (Ананьин О. И. *Философия и методология экономической науки* // *Философия социальных и гуманитарных наук* / Лебедев С.А. (ред.). М.: Академический проект, 2006. С. 389–390.)

Новый поворот Дугласа Норта в «Новой институциональной экономической теории»

В первых главах своей новой книги «Понимание процессов экономических изменений»⁴⁵, не делая никаких ссылок на этот счет, Д. Норт заново открывает подходы и концепции, известные в рамках интерпретативной парадигмы со времен Шмоллера и Коммонса. Норт явно осуществил возвращение к теории (онтологии) и неявно — к методологии (эпистемологии) американского институционализма и немецкой исторической школы. В самом начале книги он заявляет: «Мы живем в неопределенном и меняющемся мире, который непрерывно развивается новыми и неизведанными путями. Стандартные теории в этом контексте не очень пригодны. Попытка понять экономические, политические и социальные изменения (постичь изменение только одного из них без остальных нельзя) требует основательного исправления нашего способа мышления. Можем ли мы разработать динамическую теорию изменения, сравнимую по элегантности с общей теорией равновесия? Ответ на этот вопрос, вероятно, будет отрицательным. Но мы можем достичь понимания процесса, лежащего в основе изменений, а затем разработать некоторые ограниченные гипотезы в этом отношении, что может значительно увеличить полезность социальной теории в решении проблем, стоящих перед людьми»⁴⁶. Итак, вместо элегантных теорий — понимание, которое помогает разработать гипотезы, полезные для решения конкретных проблем. То, что было камнем преткновения в споре между Менгером и Шмоллером, а именно наличие законов⁴⁷, детерминизм даже в его вероятностной форме (*ergodic world*), отбрасываются Нортом с такой же решительностью⁴⁸, как и Шмоллером. Так же, как и представители немецкой исторической школы, Норт видит, что социальная действительность меняется достаточно быстро и так, что часто «у нас нет исторического опыта, который бы подготовил нас к действиям в рамках этой новой реальности»⁴⁹.

Если американский институционализм и немецкая историческая школа черпали свое вдохновение в философских построениях прагматизма и герменевтики, то Норт обратился к когнитивной науке. Дело в том, что к концу XX в. когнитивные науки (наука о центральной и периферийной нервных системах — «*neuroscience*», когнитивная психология, лингвистика, антропология) отвоевали ряд позиций у философской гносеологии и эпистемологии. Следующая цитата

⁴⁵ *North D. C. Understanding the Process of Economic Change. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005.*

⁴⁶ *Ibid.* P. vii.

⁴⁷ См. менгеровское «Исследование о методах социальных наук...» и особенно Приложение V в этой книге (*Менгер К. Указ. соч.*).

⁴⁸ Норт критикует П. Самуэльсона за то, что он считал гипотезу об эргодичности мира «основополагающей для научной экономической теории». Подвергается критике и Р. Солоу, считающий, что лучшие экономисты — это те, кто воспринимает экономическую науку как социальную физику (согласно которой имеется единственная универсально верная модель мира, которую остается только применить). «Для экономического историка, — добавляет он, — анализирующего десяток тысячелетий человеческой истории, начиная от неолитической революции, эргодическая гипотеза является неисторической» (*North D. C. Op. cit. P. 19*).

⁴⁹ *North D. C. Op. cit. P. 20.*

из предисловия к книге содержит ее основную идею: «Экономические изменения являются в значительной степени преднамеренными процессами, которые формируются в ходе осознания (perceptions) акторами последствий своих действий. Осознания эти проистекают из верований игроков — теорий, которые у них есть относительно последствий их действий, — верований, обычно смешанных с их предпочтениями. Но как люди приходят к пониманию своего окружения? Создаваемые ими объяснения представляют собой ментальные конструкторы (mental constructs), вытекающие из опыта как современного, так и исторического. Обучение человека есть нечто большее, чем накопление индивидуального опыта в течение жизни индивида, — это также накопленный опыт предыдущих поколений. Обучение всего общества, воплощенное в языке, в человеческой памяти и знаковых системах, включает верования, мифы, способы поведения и изготовления различных вещей, то есть культуру общества. Культура не только определяет функционирование общества в какой-то момент времени, но и, накладывая ограничения на игроков, способствует процессу изменений во времени. ...Понимание — необходимое предварительное условие, которое упускается экономистами, спешащими моделировать экономические рост и изменения. Мы еще очень далеки от полного понимания этих процессов»⁵⁰.

Однако Норт все же остался в рамках классической парадигмы. Он отказался искать универсальные законы, но вместо этого ищет универсальные институты и верования, ведущие к всеобщему благосостоянию, обусловленному экономическим ростом. Являясь экономическим историком, он тем не менее фактически рассматривает *незападные* институты, верования и культуры в целом как экономические аномалии, не способные обеспечить достойную жизнь людям и которые поэтому должны быть заменены на западные, лучше в их американском варианте. Придя к интерпретативной онтологии, он не делает соответствующих эпистемологических выводов, по крайней мере в книге он ничего не говорит об этом. Эти эпистемологические выводы состоят в том, что для любого институционального анализа нужно изучать тексты дискурсов акторов и изучение это нужно осуществлять не для подтверждения или опровержения каких-либо априорных теоретических построений, а для создания насыщенных описаний, которые содержали бы разработанные на основе такого изучения контекстные, то есть не универсальные, а применимые только к определенным контекстам концепции. Об этом в книге Норта нет ни слова, хотя сказанное должно было бы следовать из его онтологических изысканий.

В своей новой книге Норт затрагивает следующие вопросы. Как хорошо мы понимаем реальность? Как формируются верования? Чьи верования имеют значение и как индивидуальные верования агрегируются в систему? Как меняются верования? Каково взаимоотношение между верованиями и институтами? Как меняются институты? Как институты влияют на результаты экономической деятельности?

---

⁵⁰North D. C. Op. cit. P. viii, ix.

Чем объясняется такое широкое разнообразие образцов функционирования экономик и государств?⁵¹ Можно только поблагодарить Дугласа Норта за такую четкую формулировку действительно центральных вопросов, на которые нужно искать ответы в институционально-экономических исследованиях.

Онтология и предмет интерпретативной институциональной экономики

Философским фундаментом «старой» институциональной экономики была философия прагматизма, основы которой были заложены Пирсом. Выше мы уже приводили высказывание Веблена, согласно которому основой действия является «органический комплекс мысленных привычек, которые были сформированы прошлым процессом». Эта мысль почерпнута Вебленом из философии прагматизма Пирса. Среди столпов американского институционализма наиболее последовательным сторонником прагматизма был Коммонс. В своей книге «Институциональная экономика»⁵², первоначально опубликованной в 1934 г., он прямо указывает на то, что философским фундаментом его институциональной экономики был прагматизм Чарльза Пирса⁵³.

В прагматизме Пирса двумя центральными понятиями являются понятия веры или верования (*belief*) и правила действия (*rule of action*), которое он отождествляет с привычкой (*habit*). Он указывал, что наши верования руководят нашими желаниями и формируют наши действия. Сомнение относительно веры в получении желаемого результата действия приводит к борьбе, которую Пирс называет исследованием. Единственной целью исследования является установление верования⁵⁴. А вот что он пишет по поводу правила действия (привычки): «Верование обладает тремя свойствами: во-первых, оно есть что-то, что мы осознаем; во-вторых, оно кладет конец раздражению, вызванному сомнением; и, в-третьих, оно влечет за собой установление в нашей природе правила действия, короче говоря, *привычки*»⁵⁵.

Если под институтами понимать правила взаимодействия людей⁵⁶, вовлеченных в определенную деятельность, то можно сказать, что институциональная динамика представляет собой последовательную смену верований, приводящую к изменению правил. Под каким-либо конкретным институтом целесообразно понимать набор правил, относящихся ко вполне определенной деятельности, которая этими правилами регулируется. Если говорить о современных обществах, то практически все виды деятельности регулируются формальными

---

⁵¹ North D. C. Op. cit. P. 4.

⁵² Commons J. R. Institutional Economics.

⁵³ Американские и европейские историки экономической мысли подробно исследовали вопрос происхождения институциональной экономики Джона Коммонса из философии прагматизма [см.: Mirowski Ph. The Philosophical Bases of Institutionalist Economics; Mirowski Ph. Against Mechanism: Protecting Economics from Science. Lanham (USA): Rowman and Littlefield, 1988; Bazzoli L. L'économie de John R. Commons. Essai sur l'institutionnalisme en sciences sociales. Paris: L'Harmattan. 1999].

⁵⁴ Пирс Ч. С. Указ. соч. С. 242–245.

⁵⁵ Там же. С. 274.

⁵⁶ Использование метафоры «игры» в определении института по Норту («правила игры») представляется нам неуместным.

и неформальными правилами. Так что для таких обществ практически любой институт есть набор формальных и неформальных правил⁵⁷. Причем важнейшими формальными правилами в современных обществах являются законодательные акты.

В изложении концепции институтов мы будем следовать книге Питера Бергера и Томаса Лукмана⁵⁸, из которой можно много почерпнуть для понимания онтологии интерпретативной институциональной экономики. Правило действия, соответствующее определенному верованию, для того чтобы действительно стать привычкой, должно повториться много раз, то есть подвергнуться «опривычиванию» (*habituation*)⁵⁹. Именно благодаря опривычиванию становится необязательным определять каждую встречающуюся ситуацию заново. Смыслы (*meanings*), придаваемые человеком своей деятельности, позволяют идентифицировать принадлежность ситуации к тому или иному классу, а следовательно, и правило действия в этой ситуации⁶⁰. Недостаточно определить институты просто как совокупности правил, как делают многие авторы. Это должны быть «опривыченные» правила, которые акторы находят среди множества всех используемых ими правил по смыслу ситуаций, где эти правила применяются. Причем, чтобы стать институтом, эти правила, смыслы соответствующих ситуаций и, конечно, верования, лежащие в основе этих правил, должны быть общими для членов той группы, в которой данный институт устанавливается. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан⁶¹.

«Институты уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение, устанавливая предопределенные его образцы, которые придают поведению одно из многих, теоретически возможных направлений. ...Первичный социальный контроль задан существованием института как такового. Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализирована, — уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю. Дополнительные механизмы контроля требуются лишь в том случае, если процессы институционализации не вполне успешны»⁶². То, что многие так называемые рыночные институты, вводимые в России в 1990-е годы, работали плохо, происходило прежде всего не потому, что не были развиты соответствующие механизмы принуждения (*enforcement*), а потому, что они не соответствовали верованиям и привычкам всей совокупности акторов, то есть институционализация не была успешной.

---

⁵⁷ С этой точки зрения нередко встречающееся в литературе разделение на формальные и неформальные институты не имеет смысла. Использование Нортон вместо понятия «неформальных правил» понятия «неформальных ограничений» (*informal constraints*) или «неформальных норм» также нецелесообразно, так как использование для них разных терминов уводит от понимания их общей природы, состоящей в том, чтобы быть «опривыченными» правилами.

⁵⁸ Приводимые ссылки делаются на русский перевод (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995), однако при цитировании выдержек из этой книги мы позволяли себе иногда корректировки переводов по оригиналу (Berger P., Luckman T. *The Social Construction of Reality*. London: Penguin Books. 1991).

⁵⁹ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 90.

⁶⁰ Там же. С. 91.

⁶¹ Там же. С. 92.

⁶² Там же. С. 92, 93.

Норт прав, видя важнейшую роль институтов в уменьшении неопределенности в человеческих взаимодействиях⁶³. Бергер и Лукман утверждают то же самое, отвечая на вопрос, что нового приобретает каждый индивид от наличия институтов: «Наиболее важным приобретением является то, что теперь каждый может предвидеть действия другого. Значит, их взаимодействие становится предсказуемым. „Он делает это снова“ превращается в „Мы делаем это снова“. Это значительно ослабляет напряжение обоих»⁶⁴. Институты не падают с неба, они создаются, конструируются⁶⁵ людьми. Институты образуют мир, где живут люди, причем некоторые из них, возможно, принимали участие в создании этих институтов и, «пока они сами создают этот мир», он «кажется им абсолютно прозрачным. Они понимают мир, который создан ими. Все это меняется в процессе передачи новому поколению. Объективность институционального мира „увеличивается“... Формула „Мы делаем это снова“ теперь заменяется формулой „Так это делается“. Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен. Для детей, особенно на ранней стадии социализации, он становится их миром»⁶⁶.

Ни один институт не может существовать без тесно связанного с ним верования. Это почти всегда то самое верование, которое находилось у истоков возникновения правила; однако не исключены и случаи, когда одно и то же правило меняет свое идеологическое обоснование. В любом случае верование узаконивает, легитимирует правило. Институциональному миру требуется легитимация, то есть способы его «объяснения» и оправдания. Необходимо истолковать акторам смысл институтов в различных формулах легитимации⁶⁷.

Интеграцию в обществе институционального порядка можно понимать в терминах «знания», имеющегося у его членов, и это означает, что «анализ этого „знания“ является существенным для анализа рассматриваемого институционального порядка. Важно подчеркнуть, что при этом речь не идет лишь исключительно и преимущественно о сложных теоретических системах, служащих легитимациями институционального порядка. Конечно, теории тоже нужно принимать в расчет. Но теоретическое знание — лишь небольшая и отнюдь не самая важная часть того, что считается знанием в обществе. Теоретически сложные легитимации появляются в определенный момент истории институционализации. Знание, имеющее первостепенное значение для институционального порядка, — это дотеоретическое знание. И в сумме оно представляет собой все „то, что каждый знает“ о социальном мире — это совокупность правил поведения, моральных принципов и предписаний, пословицы и поговорки, ценности и верования, мифы и тому подобное»⁶⁸.

⁶³ North D. C. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990, P. 6. (Рус. пер.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. С. 18.)

⁶⁴ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 96.

⁶⁵ Отсюда и название направления социальной мысли, представленное Бергером и Лукманом, — «социальный конструктивизм».

⁶⁶ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 99—101.

⁶⁷ Там же. С. 103—104.

⁶⁸ Там же. С. 109.

Для обсуждения предмета интерпретативной институциональной экономики целесообразно выделить в социально-экономической реальности, то есть в потоке экономической деятельности, следующие четыре уровня: когнитивный, институциональный, организационный⁶⁹ и ресурсно-технологический (самый низкий уровень)⁷⁰. Каждому уровню соответствует свой предмет анализа: на когнитивном уровне — верования, на институциональном — правила, на организационном — власть, то есть отношения влияния между акторами (индивидами или организациями), и, наконец, на ресурсно-технологическом — ресурсы и технологии их переработки. Между уровнями имеются как нисходящие, так и восходящие связи. В рамках нисходящих связей верования определяют правила, согласно которым осуществляются отношения власти между акторами, контролирующими ресурсно-технологические потоки. По восходящей от ресурсно-технологического уровня исходят сигналы акторам, которые помогают им скорректировать их решения, проявления их власти. Используя свою власть, акторы пытаются также изменить правила в свою пользу. Наконец, проблемы, которые возникают у акторов при применении правил, могут вызвать изменения в их верованиях. Цели исследования экономической деятельности во всем их разнообразии можно подразделить на три вида: исследование результата изучаемой деятельности, ее механизма и эволюции. Выбор уровня анализа зависит от цели исследования. Если исследователя интересует прежде всего результат экономической деятельности в тот или иной момент (моменты) времени, то основное внимание должно быть уделено ресурсно-технологическому уровню. Если же его интересует механизм деятельности, действующий в течение некоторого времени, его внимание должно быть сконцентрировано на организационном и институциональном уровнях. Если исследователя интересуют изменения в механизме экономической деятельности, то основное внимание должно быть сфокусировано на институциональном и когнитивном уровнях. В рамках интерпретативной институциональной экономики количественный анализ материальных потоков (уровень 4) может помочь исследователю только задавать себе вопросы, а ответы на эти вопросы он должен искать на более высоких уровнях анализа.

Эпистемология и метод интерпретативной институциональной экономики

В своей эпистемологии Пирс напрямую связывает понятие истины с понятием веры: «Вместо того чтобы говорить, что вы хотите знать „Истину“, вам было бы просто нужно сказать, что хотите достичь состояния

---

⁶⁹ Этот уровень можно было бы также назвать волевым или властным.

⁷⁰ Ранее уровневое рассмотрение экономической деятельности было предложено автором в следующих публикациях: *Yefimov V. Gaming-simulation of the Functioning of Economic Systems // Journal of Economic Behavior & Organization. 1981. Vol. 2, No 2. P. 187–200 (P. 188–191); Ефимов В. М. Имитационная игра для системного анализа управления экономикой. М.: Наука, 1988. С. 17– 21; Yefimov V. Approche institutionnelle de l'analyse de la transition // Revue d'études comparatives Est-Ouest. No 2. Paris: C.N.R.S., 1997. P. 99–119; Yefimov V. Structures sociales en Russie, cellules et réseaux // Nouveaux Cahiers de l'IUED. No 12. Paris; Geneva: PUF, 2001. P. 29–52.*

веры, недоступной сомнению. Вера не является минутным состоянием сознания; это привычка ума, в своих основных чертах длящаяся какое-то время и (по крайней мере) в большинстве своем бессознательно; и так же, как и любые другие привычки, она (до тех пор, пока не встретится с какой-то неожиданностью, начинающей процесс ее растворения) полностью самодостаточна»⁷¹. Пирс рассматривал исследование как коллективную деятельность определенного сообщества. Понятия истины и реальности ставятся им в зависимость от этого сообщества: «Так обстоит дело со всяким научным исследованием. Различные умы могут первоначально иметь самые противоположные мнения, однако в процессе исследования какая-то внешняя и чуждая им сила приводит их к одному и тому же заключению. Эта деятельность мысли, которая влечет нас не туда, куда мы хотим, но к предопределенной цели, подобна действию судьбы. Никакое изменение принятой точки зрения, никакой отбор других фактов для изучения, ни даже естественная склонность ума не могут позволить человеку избежать предустановленного мнения. Эта великая надежда воплощена в концепции истины и реальности. Мнение, которому суждено стать общим соглашением исследователей⁷², есть то, что мы имеем в виду под истиной, а объект, представленный в этом мнении, есть реальное. Вот так я бы стал объяснять реальность»⁷³. Известный немецкий социолог Ханс Йоас так оценивает эпистемологию Пирса: «Ведущее понятие картезианства, понятие одинокого сомневающегося *ego*, заменено идеей кооперативного поиска истины, цель которого — справиться с реальными проблемами, возникающими в процессе действия. Можно было бы поддаться соблазну приписать такому превращению такую же историческую значимость, какая была жалована философии Декарта. ...Целиком поменялась связь между познанием и реальностью. Понятие истины больше не выражает верного представления реальности в познании, которое можно описать, используя метафору копии; скорее оно выражает увеличение возможности действовать в познаваемом окружении. Все стадии познания, от сенсорного восприятия, далее через выведение логических заключений и до рефлексии, должны теперь быть представлены по-новому»⁷⁴.

Среди отечественных философов интерпретативную парадигму в науке отстаивает Л. А. Микешина. При этом она обращается «к герменевтике, имеющей дело не только с текстами, но и с пониманием как неотъемлемым моментом бытия субъекта... Познающий человек предстает не как отражающий, но как интерпретирующий и самоинтерпретирующий субъект. ...Познание, понимание и интерпретация предполагаются укорененными в историческом и социокультурном контексте, тесно связанными с жизнью, традицией и историей». Субъект познания для нее — это прежде всего «субъект интерпретирующий, поскольку его существование и деятельность развертываются не просто в объективной

---

⁷¹ Пирс Ч. С. Избранные произведения. С. 305.

⁷² Здесь перевод скорректирован по: Пирс Ч. С. Начала прагматизма. СПб.: Алетейя, 2000. С. 151.

⁷³ Пирс Ч. С. Избранные произведения. С. 291, 292.

⁷⁴ Joas H. Pragmatism and Social Theory. Chicago: University of Chicago Press. 1993. P. 19, 20.

действительности, но и в мире созданных им образов, знаков и символических форм, присущих самой структуре человеческой жизни»⁷⁵.

Коммонс в своей книге «Институциональная экономика» подчеркивал, что для него прагматизм, с одной стороны, подсказывает предмет науки экономики, а с другой стороны, дает ему метод исследования⁷⁶. Этот метод предполагает экспериментальный подход к исследованию, то есть прямой контакт с изучаемым предметом, институтами и верованиями, которые непосредственно с ними связаны. Такой контакт может быть достигнут исследователем путем изучения различных документов, включая тексты с формальными правилами (законы, указы, постановления, положения и т. п.) и тексты, отражающие верования (программы политических партий, ассоциаций, тексты выступлений политических лидеров и т. п.). Однако значительная часть информации может быть получена непосредственно от акторов⁷⁷. В этом случае анализ правил и верований осуществляется путем прямого контакта с акторами как носителями этих правил и верований, контакта в форме бесед-интервью⁷⁸, включенного наблюдения (*participant observation*)⁷⁹, исследования действием (*action research*)⁸⁰, и все это в рамках исследований конкретных случаев-ситуаций (*case studies*). Чтобы уловить смысл наблюдаемых событий, понять верования и неформальные правила акторов, проводимые интервью должны быть *активными*, то есть принимать форму обсуждений методом мозгового штурма (*brainstorming*)⁸¹. Один из исследователей американского институционализма утверждает, что старая институциональная экономика «опиралась на *сравнительный метод*, развитый антропологами», который применяется институционалистами путем изучения конкретных случаев (*case studies*), полевых исследований (*field studies*), в том числе и путем включенного наблюдения. В целом он характеризует метод институциональной экономики как критический исторический метод⁸².

⁷⁵ Микешина Л. А. Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция. 2002. С. 20, 57, 74.

⁷⁶ Commons J. R. Institutional Economics. P. 150, 151, 157.

⁷⁷ Комментируя это, Джон Коммонс приводит такое шутовское высказывание: «Академическая деятельность представляет собой мозги без опыта. Другая, „практическая“, крайность — это опыт без мозгов. В первом случае мы получаем незрелые (*half-baked*) теории, в другом — эмпирические определения» (Commons J. R. Myself. P. 106).

⁷⁸ Коммонс называл интервьюирование «лучшим методом исследования» (Commons J. R. Institutional Economics. P. 106). Недавно появилась отечественная книга по этому методу: Белановский С. А. Глубокое интервью. М.: Николо-Медиа, 2001.

⁷⁹ Встроенное наблюдение предполагает участие исследователя в деятельности исследуемых.

⁸⁰ Исследование действием отличается от встроенного наблюдения в основном тем, что исследователь не только участвует в деятельности исследуемых, но и пытается вместе с ними изменить что-то в этой деятельности. Данному методу посвящены следующие книги: Greenwood D. J., Levin M. Introduction to Action Research: Social Research for Social Change. Thousand Oaks: Sage Publications, 1998; Stringer E. T. Action Research. Thousand Oaks: Sage Publications, 1999; Handbook of Action Research / Reason P., Bradbury H. (eds.) Thousand Oaks: Sage Publications. 2001.

⁸¹ В интерпретативной парадигме, в отличие от классической, объект и субъект исследования не должны быть полностью независимы друг от друга, наоборот, процесс взаимодействия между ними в виде активного свободного интервью, встроенного наблюдения или исследования действием может существенно повысить качество исследования.

⁸² Stanfield J. R. The Scope, Method, and Significance of Original Institutional Economics // Journal of Economic Issues. 1999. Vol. XXXIII, No 2. P. 231–255.

Все перечисленные выше методы принадлежат к так называемым *качественным методам исследования*⁸³. Это название возникло, с одной стороны, в силу того, что они имеют дело в основном с качественной, а не количественной информацией, а с другой стороны, эти методы противопоставляются количественным. Менгер, следуя классической парадигме, видел цель исследования в возможности предвидения и господства⁸⁴. Шмоллер, Коммонс, а теперь и Норт видят цель исследования в другом, а именно в понимании окружающей нас действительности. Как раз на это и ориентированы качественные методы исследования. С их помощью можно *понять* функционирование и развитие институтов, связанных с экономической деятельностью.

Общественная функция науки и интерпретативная институциональная экономика

Шмоллер в качестве своих предшественников называет итальянца Фердинандо Галиани и шотландца Джеймса Стюарта⁸⁵. Оба опубликовали свои основные труды до появления «Богатства народов» Адама Смита и в отличие от последнего не создавали идеологизированных теорий, а анализировали экономические проблемы на базе имеющихся данных, стремясь способствовать их практическому решению. Так, Галиани « всю свою жизнь питал нелюбовь к картезианскому рационализму — попытке выводить вечные истины, верные для всех эпох и всех мест, исключительно из силы разума и нескольких априорных постулатов. Вместо этого он делал упор на эволюционном развитии общества, из которого могут быть выведены только исторически относительные истины»⁸⁶. В своей книге «Диалоги о хлебной торговле»⁸⁷, опубликованной в 1770 г., он «критикует физиократическую веру в свободную торговлю хлебом не как таковую, а исторически, как политику, которая была неблагоприятной во Франции его времени»⁸⁸. За девять лет до появления «Богатства народов» Стюарт опубликовал книгу «Принципы исследования политической экономии»⁸⁹. Она «базируется на концепции научного знания, в которой теоретическое

⁸³ Библиография качественных методов исследования обширна, и в данной статье нет места для ее сколько-нибудь полного варианта. В настоящее время по этой теме имеются несколько книг отечественных авторов: Семенова В. В. Качественные методы: Введение в гуманитарную социологию. М.: Добросвет, 1998; Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999; Ильин В. И. Драматургия качественного исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006; Семенова В. В. Качественные методы в социологии // Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание соц. реальности: учеб. пособие [для вузов]. М.: Омега, 2007. Наиболее полная характеристика этих методов дана в: The Sage Handbook of Qualitative Research // Denzin N. F., Lincoln Y. S. (eds.) Thousand Oaks (USA): Sage Publications, 2005.

⁸⁴ Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в общности. С. 300.

⁸⁵ Schmoller G. Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft. S. 198.

⁸⁶ Blaug M. Great Economists before Keynes. London: Whitesheaf Books Ltd., 1986. P. 82.

⁸⁷ Galiani F. Dialogues sur le commerce des blés. Paris: Fayard, 1984.

⁸⁸ Blaug M. Op cit. P. 83.

⁸⁹ Stewart J. An Inquiry into the Principles of Political Economy. L.: A. Miller and T. Cadell, 1767.

начало было сознательно подчинено началу практическому. ...Стюарт не претендовал на открытие универсальных экономических законов, для него важнее было, чтобы степень определенности знания соответствовала природе изучаемого предмета. ...В столкновении принципов простоты и сложности победила модель Адама Смита, и экономическая наука стала развиваться преимущественно как наука теоретическая, ориентированная на идеалы и нормы естествознания»⁹⁰.

Веком позже два мировоззрения столкнулись еще раз в «споре о методах». По мнению О. И. Ананьина, наилучшим кандидатом на роль победителя в этом споре является «Альфред Маршалл, первый лидер неоклассического „мейнстрима“, главного течения экономической мысли XX в.»⁹¹.

На мой взгляд, победа сначала классики, а затем и неоклассики над интерпретативным институционализмом произошла по трем причинам. Во-первых, после эпохи Просвещения мировоззрение, заложенное Галилеем, Декартом и Ньютоном, стало доминирующим на Западе⁹², и от экономиста, осмелившегося ради познавательной и социальной эффективности своих исследований отказаться от этого мировоззрения, требуются большое мужество и работоспособность в освоении и применении необычных, отличных от общепринятых подходов. Во-вторых, так как основой функционирования и воспроизводства научных сообществ является общение (публикации, конференции, лекции и т. д.), то неоклассики в этом отношении имеют колоссальные преимущества перед интерпретативными (прагматическими и герменевтическими) институционалистами. От первых оно требует намного меньше усилий из-за их простых и унифицированных, универсальных для всех проблем и контекстов, понятий, схем и способов изложения. Наконец, в-третьих, можно предположить, что после завершения с помощью институционалистов изменений⁹³, в которых правящие классы были заинтересованы, последние прекращали поддержку первых и переключались на поддержку неоклассиков, идеологически помогающих им сохранить свою доминирующую роль в обществе. По меткому выражению Шмоллера, экономическая наука стала орудием класса собственников.

Необходимым условием того, чтобы интерпретативная институциональная экономика стала практиковаться в современной России, является существование сообщества исследователей, ориентированных прежде всего на выполнение своей социальной функции — способствовать решению жгучих проблем страны, а не на свою принадлежность к «международному научному сообществу». Российское государство должно сыграть свою роль в институционализации и финансовой поддержке такого сообщества исследователей.

---

⁹⁰ Ананьин О. И. *Философия и методология экономической науки*. С. 358–361.

⁹¹ Там же. С. 391.

⁹² Бринтон К. *Истоки западного образа мысли*. М.: Московская школа политических исследований, 2003.

⁹³ Значительное смягчение классовых конфликтов путем создания государств всеобщего благоденствия (welfare states).